

раз и противопоставляли раздираемому противоречиями Западу гармонический идеал Древней Руси, осененной православием: «Православная русская церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся церковью. Евразия понимается нами как особая симфоническо-личная индивидуализация православной церкви и культуры. Основы ее единства и существа в православной вере» [31, с. 28].

В целом же не вызывала сомнений глобальность установок евразийцев, высокий философский и исторический смысл поставленных ими проблем и степень их важности для настоящего и будущего России. Евразийство затрагивало и пыталось разрешить ключевой вопрос русской историософии — Россия и Запад, Россия и Восток. И в этом плане евразийство было наиболее крупным и целостным явлением русской общественно-философской мысли XX столетия. Не оставляла сомнений и безусловная оригинальность концепции евразийцев, та смелость, с которой они обрушились на многие правые и левые стереотипы мышления.

О противостоянии России и Запада, о том, что именно русские призваны спасти мир от губительных западных влияний, так или иначе говорили все, самые разнородные на первый взгляд круги русской эмиграции. Не следует забывать о том, что русская эмиграция первой волны, оказавшаяся изгоем, вынужденная принудительно покинуть родину и никогда до конца не расставшаяся с ностальгическими устремлениями, столкнувшись к тому же на Западе в лучшем случае с равнодушным, если не враждебным к себе отношением, склонна была видеть в поражении белого движения и разгроме противников большевистского режима как одну из главных причин непоследовательности и предательства западных держав-союзников. Отношение союзников к участникам разбитого белого движения (одним из идеологов белой идеи, к стати сказать, являлся Н. А. Бердяев), тяготы изгнания, нужда — все это оскорбляло русских. И это не могло не служить весьма и весьма сочувственным фоном для дебатов евразийцев и их оппонентов относительно противостояния России и Европы. Чувство уязвленного национального самолюбия доминировало в позиции самых разных в политическом отношении кругов русской эмиграции и отодвигало на второй план все оттенки и тонкости чисто философских и духовных вопросов.

Наконец, само обаяние авторитетных умов русской философской и общественной мысли, сгруппировавшихся вокруг евразийства, блестящий ораторский дар Карсавина, Вышеславцева, Лосского, Франка привлекали к ним множество сторонников и сочувствующих. В этом смысле показательна эволюция евразийского движения: из интеллектуально-элитарной философской концепции оно, постепенно разрастаясь, приобрело черты политического учения и стало весьма заметным общественно-политическим движением; оно выработало свою, не менее оригинальную, чем философская, политическую доктрину, заключавшуюся в практической организации будущего государственного строя России. У евразийства как концепции ученых и философов появляется все больше и больше политических агитаторов, которые распространяют и популяризируют их учение. А такие влиятельные группировки русской эмиграции, как сменовеховцы и младороссы, полностью стояли на платформе евразийства. Движение младороссов, возглавляемое Казим-беком, а также Национальный союз молодого поколения подхватили знамя евразийства, придав ему характер политической партии.

Если говорить о сторонниках и единомышленниках, то наибольшее число таковых было на Балканах (помимо центров постоянной научной деятельности — Праги, Брюсселя, Парижа). Белград стал одним из главных центров сосредоточения русской военно-исторической мысли. Здесь выходило множество периодических и непериодических изданий — органов воинских объединений, которым, безусловно, импонировала евразийская концепция сильного и единого идеократического государства. Собственно говоря, евразийство как общественное течение и апеллировало к силам государственности, модель будущего государственного устройства России исходила из идеи чеделимости России как единого геополитического национально-государственного целого образования, евразийцы усиленно разра-